

В.Л.Васильев

КРИТЕРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ В ИСТОКАХ ВОЛГИ И ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ)

В начале статьи кратко изложены теоретические аспекты топонимической архаики, подчеркнута ее тесная зависимость от региона, сформулированы отличия, с одной стороны, от фоновой, продуктивной топонимии современного русского языка, а с другой, — от исторической древнерусской топонимии. Раскрыты главные признаки архаического топонима (мотивационные, структурно-деривационные, фонетические, ареальные), которые служат критериями его выявления. Изложенные теоретические положения проиллюстрированы развернутым этимологическим анализом таких интересных архаических названий, как Судережье, Шеломя, Домна, Бросно, Заозерейцо, Сосное, Требово, Клещино, Сопот. Все эти названия сосредоточены в истоках рек Волги и Западной Двины, которые в средневековое время входили в пограничные юго-западные волости исторической Новгородской земли.

Ключевые слова: топонимический архаизм, этимология названий, ареал, Новгородская земля, Волга, Западная Двина

В широком понимании славянская топонимическая архаика (или, иначе, архаическая славянская топонимия) — это такие географические названия славянского происхождения, которые отмечены разноуровневыми признаками непродуктивности и пережиточности своего фонетического облика относительно используемых (актуальных) средств современного языка. Столь широкое определение нуждается в конкретизации применительно к отдельному языку, точнее — к отдельно взятой диалектной территории отдельного славянского языка, усеянной разномастными географическими именами. Все такие имена появляются в разные эпохи разными способами из разных языков. Из всего топонимического разнообразия к числу славянских топонимических архаизмов при строгом подходе можно отнести лишь те немногие генетически славянские названия, которые, судя по ряду признаков, давно исчерпали потенциал спонтанного возникновения из разнотипной нетопонимической (общезыковой, диалектной, антропонимической, этнонимической и др.) лексики современного диалектного континуума того региона, в котором эти названия пребывают. Соответственно, огромное множество названий, возникших из топонимической лексики (т.е. на базе сложившейся, готовой топонимии) путем ее иррадиации, переносов (т.н. транstopонимы), к славянской топонимической архаике не имеют отношения.

Таким образом, оценка архаичности топонима зависит от его территориальной характеристики, приуроченности к определенной местности, территории. Структурно идентичные или сходные топонимы нередко повторяются в разных славянских языках и регионах, причем в одном регионе они трактуются в качестве архаических, пережиточных, а в другом могут оказаться вполне продуктивными образованиями, которые поддержаны наличными лексическими, словообразовательными и фонетическими средствами современного языка и его говоров.

Славянские топонимические архаизмы характеризуются рядом отличий от фоновой топонимии сравнительно позднего времени, сложившейся из ресурсов того языка, который сегодня господствует в регионе. На старых русских территориях топонимические архаизмы целесообразно считать реликтами древнерусского, реже — восточнославянского или праславянского, времени. Однако между топонимией, возникшей, скажем, в древнерусский период, и славянской топонимической архаикой нет знака равенства: древнерусская топонимия, отраженная в древнерусских письменных источниках, включает как названия архаические, так и — преимущественно! — названия неархаические, вполне объясняемые на почве уже собственно русского языка.

Проиллюстрирую высказанные теоретические положения на ряде примеров из славянской топонимической архаики, отложившейся в истоках Волги и Западной Двины. Сегодня эта водораздельная местность по большей части принадлежит Пеновскому и Андреапольскому районам Тверской области, а в древнерусское время преимущественно принадлежала средневековой Новгородской земле: на нее приходились юго-западные новгородские волости (Морева, Велила, Стерж, Лопастыцы и Буйцы) на пограничье с Торопецким и Ржевским уездами. Важно подчеркнуть, что для владений средневекового Новгорода окончание древнерусской эпохи целесообразно относить к последней четверти XV в. — после присоединения Новгорода и его внутренних, центральных земель к Московскому государству [1, с. 52], что окончательно обеспечило дальнейшую диалектную конвергенцию собственно русского языка. Исследуемая ниже топонимическая архаика, принадлежащая бывшей Новгородской земле, появилась не позже древнерусского (или древненовгородского) периода, т.е. до XVI в.

При выявлении топонимического архаизма, наряду с чертами пережиточности структуры, зачастую не менее значим его ареальный контекст, характер межтерриториальных параллелей (топоизоглоссы). В общем плане славянские архаизмы в топонимии любого региона квалифицируются по одному или нескольким главным признакам, подразделяемым на мотивационные, структурно-деривационные, фонетические и ареальные.

Мотивационные признаки славянских топонимических архаизмов заключаются в функциональном отсутствии живой лексики (как правило, апеллятивной и антропонимической), мотивирующей такие названия, в региональном диалектном континууме. Иногда отсутствие слов-мотиваторов вызвано общеязыковым устареванием слова. К примеру, название маленького бессточного оз. *Судеревьё* в истоках р. Волкоты бассейна Западной Двины объясняется через др.-рус. *судеревь* или *судеревью* ‘смежно (?)’ 1508 г., *судеревьнии* ‘смежный, общий’ в Отводных рязанских книгах 1483—1502 г. [2, т. III, с. 596]. Основа данных слов, судя по источникам, повсюду окончательно забытых после XVI в., членится в виде *су-дерев-*, с выделением префикса *су-*, выражающего совместность, и корня *дерев-*, продолжающего древнее вост.-слав. **dъrva (dъrvъ?)* ‘участок для возделывания, вспашки, расчищенный путем вырубки, раскорчевывания леса и зарослей’, которое точно соответствует литов. *dirvą* ‘вспахиваемая, возделываемая земля, поле’, ‘участок, надел (земли)’, латыш. *dirva* ‘засеянное поле, нива’ [3, с. 317]. Надо полагать, лимноним *Судеревьё* указывал на озеро с совместными рыболовными угодьями, озеро совместного пользования, что вполне понятно для маленького, «лешего» озера, каким и является Судеревьё (в отличие от более крупных озёр, которые делились на рыболовные участки, закрепленные за отдельными хозяевами). Межтерриториальные топоизоглоссы редки, исчерпываются псковским названием *Судеревьё* д. неподалеку от Новоржева, отмеченным впервые писцовой книгой 1583 г. [4, с. 146, № 287], и названием р. *Судеревь* в *Судеревской* волости 1503 г. [5, с. 872], она же совр. *Sudervė (Sudarvė, Sudarvenka)* р. неподалеку от Вильнюса. Ванагас полагает, что лит. *Sudervė* — это собственно балт. дериват с корнем *sud-* (как в латыш. *sudīt* ‘проворно, скоро быстро идти, двигаться’, *Sudota* р.) и суф. *-ervė* [6, с. 318], однако предпочтительнее вести речь об усвоении и адаптации балтами древнеславянского гидронима.

Лексика, которой мотивированы славянские топонимы-архаизмы Новгородской земли, обычно не утрачивается бесследно, а проявляется где-то в современных языках и диалектах. Слово-мотиватор, потерявшее после XV в. употребительность в новгородских пятинах, порой сохраняет функционирование на иных русских диалектных территориях или, что наблюдается чаще, его можно обнаружить в пространстве других славянских языков, отдаленных от Новгородской земли. Так, название пустоши *Шеломя* во Вселуцкой волости 1588—1589 гг. [7, с. 228], приписанной в Ржевский уезд из новгородской волости Стерж, приравнивается к др.-рус. *шеломя (шоломя)* ‘гора, холм, гряда холмов’ [2, т. III, с. 1587], отмечая расположение на холме, возвышении. Давно утраченное в центральноновгородских владениях слово-мотиватор реликтивно сохранилось на путях древненовгородской колонизации Русского Севера, ср. арх. *шóломя (шóльмя)* ‘пригорок, холм’ (наряду с *шóломя*), см. [8, с. 40] (со ссылкой на работу А.А.Шахматова).

Исчезнувшее слово-мотиватор чаще все же оставляет в регионе некоторые следы в виде производных лексем. В данной связи показательно название р. *Домна* среди притоков р. Кудь, впадающей слева в Волгу (ныне впадает в Верхневолжское вдхр.). Гидроним идет от ранней формы **Дъмьна(я)*, к праслав. **дъмьнь(ь)* ‘связанный с дутьем’. Соответствующий адъектив *домный* (< **дъмьнь(ь)*), сохранившийся в сибирском диал. терминосочетании *домные печи* ‘доменные печи’ ([9, ч. 1, с. 122], см. [10, вып. 14, с. 110]), характеризовал реку, в которой есть теплые струи, течения, образующие полыньи, испарения над речной поверхностью. От этого адъектива производны, в частности, новг. *дóмник* ‘большая кадка’ [11, с. 225], сев. ‘чан для варки пива’, арх. ‘отверстие для выхода дыма в потолке над печью курной избы’, костром. *дóмница* ‘кузнечный горн’ [12, вып. 8, с. 119], др.-рус. и совр. *домна* — обозначение печи для выплавки железа, рус. *дъмница (домница)* ‘домна’ и ‘предприятие для выплавки сыродутного железа’ [2, т. I, с. 759; 13, вып. 4, с. 309].

Славянский топонимический архаизм иногда возникает на основе исходно-этимологического значения мотивирующей лексемы, позднее забытого. В иных, вторичных уже значениях такая лексема или равноосновные ей образования могут еще сохраняться в народных говорах самого региона исторической Новгородской земли либо в говорах сопредельных с ним территорий. Название крупного оз. *Бросно* бассейна Западной Двины, которое в неизменном облике регулярно упоминается письменностью XV—XVI вв. в составе новгородских волостей Лопастницы и Буюц (под 1495/96 г. [14, т. II, с. 803, 805, 813, 814, 815, 816, 817, 825], под 1539—1541 и 1560—1561 гг. [15, т. 4, с. 641, 645, 647, 649, 652, 653; т. 5, с. 401, 402, 405], в XVIII — начале XX в. относилось к Холмскому уезду), скорее всего соотносится с зап.-рус. *броснь* ‘плесень, гниль’, *брóснѣть* ‘плесневеть, цвести гнилью’ [16, т. 1, с. 131; 12, вып. 3, с. 199], блр. *броснь*, блр. *брóсна* ‘плесень’, *браснѣць* ‘плесневеть (о жидкостях)’ [17, т. 1, с. 381]. Полагаю, в *Бросно* нашла отражение более ранняя семантика слова *броснь*, которое либо сближают с др.-рус. *брониши*, *брониши* ‘белый, серый, буланый (о масти коня)’, праслав. **bronь(ь)* ‘светлый, светло-коричневый’, трактуя первоначальным цветообозначением — от корня **brod-*, проявленного в др.-инд. *bradhná-* ‘красноватый; желтый’ [18, вып. 3, с. 42], либо считают производным от праслав. **broditi* ‘закисать (о жидкости)’, рус. *бродить* (о жидкости): *броснь* < **brodsnъ* [10, вып. 4, с. 253]. Предпочтительнее вторая версия: о первоначальном значении *броснь* — ‘то, что бродит, закисает’, которое, быть может, обусловило топонимизацию *Бросно*, поскольку отвечает природной специфике данного озера. Действительно, исследования показали, что это озеро, самое глубокое в Тверской области, содержит запасы сероводорода в донных отложениях, и временами газ выходит наружу в виде пузырьков. Отсюда возникало впечатление о брожении озера, что могло отразиться не только в его названии, но и вызвать появление популярного мифа о ящере тверского озера Бросно, иногда всплывающем на поверхность (см. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Бросненское_чудовище]). Единичная межтерриториальная параллель обнаружена в среднем течении Мсты: деминутивное *Бросенцо (Бросинцо)* применительно к озеру в Локоцком погосте 1495/96 и 1550 гг. [14, т. II, с. 10, 14; 15, вып. 5, с. 110].

Структурно-derivационные признаки топонимической архаики представлены собственно древнерусскими или, шире, древнеславянскими средствами и способами топонимобразования, которые стали непродуктивны в формировании собственно русской топонимии. К примеру, название д. *Заозерейцо* новгородской волости Морева 1495/96 г. [14, т. II, с. 717] обладает ярко выраженной раннедревнерусской структурно-derivационной спецификой. Во-первых, оно выглядит продолжением др.-рус. деминутива *Заозерьѣце*, буквально ‘Малое Заозерье’, причем огласовка форманта в *Заозерейцо* удостоверяет появление топонима в период существования редуцированных гласных в древненовгородских говорах, т.е. не позднее XIII в. Во-вторых, деминутивы с суффиксом *-це/-цо* от географических имен-ориентиров на *-ье* совершенно чужды русскому языку, зато, как показывают материалы писцовых книг конца XV в., на новгородской территории они были достаточно продуктивны в древнерусскую эпоху. Еще один пример: название д. *Сосное* «над озером над Стержью» Стержской волости 1495/96 г. [14, т. II, с. 698], которое указывало на ‘сосновое, поросшее сосновым лесом’ место, будучи дериватом от утраченного бессуффиксального **соснии* ‘сосновый’; ср. межтерриториальные параллели *Сосно* для озер на Украине и в Белоруссии, *Sosno* оз. в Польше, а также аналоги в др.-рус. адъективах **березьи* ‘березовый’, **дубьи* ‘дубовый’, донесенных только топонимией [19, с. 255].

Разновременные документальные фиксации часто демонстрируют утрату славянскими топонимическими архаизмами пережиточного облика, их «осовременивание». Происходит постепенное стирание отживших черт структуры и замещение более поздними чертами, широко распространенными и продуктивными. Рассмотренную выше древнерусскую форму *Заозерейцо* еще доносит писцовая книга 1495/96 г. [14, т. II, с. 717], но уже в книге 1560—1561 гг. она замещена современным вариантом *Заозерье* [15, т. 5, с. 387, 388], позднее окончательно устоявшимся (сегодня это урочище *Заозерье* близ оз. Глухое в Марёвском районе Новгородской области). Зафиксированный писцовой книгой 1495/96 г. древнерусский вариант *Сосное* [14, т. II, с. 698] сохранялся еще в XVI в. (д. *Сосное* под 1540—1541 гг. [15, т. 4, с. 318]), но к XVIII в. произошло дооформление этого старого варианта суффиксом *-ов-*: *Соснова* (*Соснева*) — пустошь Осташковского уезда 1770-х гг. [20, № 434], ставшая совр. д. *Сосново* Осташковского района Тверской области. Дополнительная суффиксация привела к включению бывшего топонимического архаизма в контекст современной многочисленной топонимии от *сосновый*: *Сосновое*, *Сосновая*, *Сосновка* и т.п.

Фонетические признаки связаны с отражением результатов живых фонетических процессов, характерных только для древнеславянского времени. Что касается славянской топонимической архаики Новгородской земли, то она иногда отмечена печатью специфических закономерностей древненовгородской диалектной фонетики (для эпохи ранее XVI в.), позднее деактуализовавшихся. К примеру, название д. *Требово* в волости Лопастницы 1560—1561 гг. [15, т. 5, с. 376] выступает производным от др.-рус. *теребъ*, отметив место, которое *теребили* — расчищали из-под леса под пашню. Сами по себе топонимические дериваты от *тереб*, *теребить* едва ли можно отнести к числу древнерусских архаизмов, поскольку они безусловно появлялись и в старорусский период; ср. хотя бы длительное сохранение живого апеллятива *терёб* как обозначения способа подсечной разработки земли в глухих местах Псковской губернии еще в 1-й половине XX в. [21, с. 194]. Но топоним *Требово* более замечателен рефлексом древненовгородского диалектного неполногласия (см. [8, с. 40-41]), что сразу же помещает данное название в разряд архаических. Иной факт древненовгородской фонетики иллюстрирует название оз. *Кльцино* из жалованной разводной грамоты 1483 г., определившей рубеж Новгородской и Ржевской земель [22, № 77, с. 292], по более поздней документации — оз. *Клицино* в волости Велила 1495/96 г. [14, т. II, с. 784], оз. *Клецино* 1770-х гг. [20, № 797, 813, 814], совр. *Клецино* оз. среди притоков р. Руна, левого притока Волги. Название входит в довольно большую группу гидронимов на *Клецин-/Клицин-*, которые суть дериваты от обозначения рыбы лещ (*Abramis brama*); последнее на территории владений древних Новгорода и Пскова встречалось в облике *клець*, с отражением живого для ранней эпохи диалектного рефлекса *kl- < *tl-*, см. [8, с. 49; 1, с. 409-412].

Ареальные признаки топонимической архаики проявляются в дискретности территориальной дистрибуции, в наличии отдаленных топонимов в различных уголках Славии, что подразумевает давнюю эпоху их возникновения. К таким топонимам обычно обнаруживаются междиалектные и межъязыковые структурные топонимовые глоссы в разрозненных зонах восточно-, западно- и/или южнославянского языковых пространств, преимущественно на землях раннеславянского расселения. Иногда ареальный критерий выдвигается на первое место среди прочих признаков, выявляющих топонимический архаизм. Например, название ручья *Сопот* в истоках р. Пола бассейна Ловати, объясняемое со «звуковым» значением ‘издающий сопение, шумный’, входит в разветвленную сеть отдаленно-прерывистых топонимовых глосс. Среди них обнаруживаются межтерриториальные параллели как внутри самой исторической Новгородской земли (дд. *Сопотно* и *Сопотово* в Бельском и Щепецком погостах 1571 г. [14, т. V, с. 450, 540]), так и далеко за ее пределами: зап.-укр. *Сопот* приток Стрыя в Галиции [23, с. 263], польск. названия *Sopot, Sopotnik, Sopotnica*, чеш., словац. *Sopotnice*, макед. *Sopotica*, сербохорв. *Sopot, Šopot, Sopotnica*, словен. *Sopotnet, Sopot, Sopotna, Šopot* и т.п. (цит. по [24, с. 389]). Общеславянская дистрибуция топонимов свидетельствует о праславянской древности номинационной модели таких названий несмотря на то, что равноосновные апеллятивы до сих пор сохраняемы современными говорами приблизительно той же местности, где течет ручей, называемый *Сопот*; ср. пск. *с́опот, с́опоть* ‘с шумом горящий сильный огонь, пламя’, ‘свод русской печи’, ‘одышка, храп у лошади’, волог. ‘быстро бегущая лошадь’, пск., осташк. твер. ‘хлопоты’, пск., осташк. твер. *с́опотень* ‘тот, кто все время сопит’, пск., смол. *сopotáть* ‘пыхтеть, сопеть’ [12, вып. 39, с. 341-342].

Каждый славянский топонимический архаизм обладает своим набором междialeктных и межъязыковых топонимоглосс. Реже межтерриториальные соответствия топонимических архаизмов ограничиваются пределами того региона, в котором они локализованы, либо топонимический архаизм выступает ареально изолированным образованием.

Будучи древними именами, длительно функционирующими в регионе, многие топонимические архаизмы обрастают вторичными транstopонимами, образованными благодаря метонимическим, переносам опорного топонима. Например, по озеру, называемому *Бросно* (см. выше), были поименованы множество деревень и пустошей средневековой волости Буюц: 1) д. *Над Бросном озером* 1495/96 г. [14, т. II, с. 813], позднее — д. *Над Бросном над озером (Машинова)* 1560—1562 гг. [15, т. 5, с. 402]; 2) д. *Над Бросном же Гуцино* 1495/96 г. [14, т. II, с. 814]; 3) девять (!) дд. *Над Бросном* 1495/96 г. [14, т. II, с. 814, 815, 816, 817], к 1560—1561 гг. ставших пустошами *На Бросне (Над Бросном)* [15, т. 5, с. 402, 403, 405]; 4) пустошь *На Бросне Родивонкова* 1560—1561 гг. [15, т. 5, с. 404]; 5) пустошь *На Бросне Хоткова* 1560—1561 гг. [15, т. 5, с. 401]; 6) погост *Бросно* Холмского уезда 1780-х гг. [25, № 1652], ставший впоследствии д. *Бросно* Андреапольского района Тверской области. Кроме того, по оз. *Бросно* была названа озерная протока — р. *Бросница*, впервые под 1539—1541 гг. [15, т. 4, с. 649, 652] (по иным данным — *Броска*), а по этой речке — д. *Над рекою над Бросницею* Торопецкого уезда 1539—1541 гг. [15, т. 4, с. 649], позднее ставшая селом *Бросницы* Холмского уезда.

Находясь у истоков формирования современного регионального топонимического ландшафта, славянская топонимическая архаика нередко оказывается закрепленной за крупными населенными пунктами (обычно на месте средневековых территориальных центров) либо за сравнительно большими, заметными водными объектами.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01583 (К) «Созданные земли: История средневековых природных и культурных ландшафтов на Валдайском водоразделе» (№ 18-00-00838 «Историко-топонимическое отражение объектов ландшафта в междуречье Волги, Поли, Западной Двины и Днепра (в период с середины I тыс. н.э. до XVIII в.)»).

1. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. 816 с.
2. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.
3. Аникин А.Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1. (*а- — *go-). Новосибирск, 1998. 478 с.
4. Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. 216 с.
5. Русская историческая библиотека, изд. Императорской археографической комиссией. Т. XXVII. Отд. 1. Ч. 1. Т. 1. Литовская метрика. СПб., 1910.
6. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981. 408 p.
7. Писцовая приправочная книга 1588—1589 годов уезда Ржевы Володимировой (половина князя Дмитрия Ивановича) / Подгот. А.А.Фролов. М.; СПб., 2015. 488 с.
8. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2004 гг. М., 2004. 872 с.
9. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнение. Ч. 1—2. Томск, 1975.
10. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.; СПб., 2007—2019-. Вып. 1—13-.
11. Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А.Н.Левичкин, С.А.Мызников. СПб., 2010. 1435 с.
12. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Филин, Ф.П.Сороколетов, С.А.Мызников. Т. 1—51-. М.; Л./СПб., 1965—2019-.
13. Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред.: С.Г.Бархударов, Ф.П.Филин, Д.И.Шмелев, Г.А.Богатова, В.Б.Крысько. М., 1975—2006-.
14. Новгородские писцовые книги. Т. I—VI. СПб., 1859—1910.
15. Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В.Баранов. Т. 1—5. М.; СПб., 1999—2004.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1998.
17. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У.Мартынаў, Г.А.Цыхун. Т. 1—12-. Мінск, 1978—2008-.
18. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева, А.Ф.Журавлева, Ж.Ж.Варбот. Вып. 1—40-. М., 1974—2016-.
19. Шульгач В.П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ, 1998. 368 с.
20. Материалы генерального межевания по Осташковскому уезду 1770-х гг.: Планы земельных дач // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1354. Оп. 1265.
21. Попов А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981. 206 с.
22. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подготовил к печати Л.В.Черепнин. М.; Л., 1950. 586 с.
23. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. 288 с.
24. Snoj M. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana, 2009. 605 s.
25. Материалы генерального межевания 1770-х гг.: Атлас Холмского уезда // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1356. Оп. 1.

References

1. Vasil'yev V.L. Slavyanskiye toponimicheskiye drevnosti Novgorodskoy zemli [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow, 2012. 816 p.
2. Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. Saint Petersburg, 1893—1912, vols. 1—3.
3. Anikin A.Ye. Etimologiya i balto-slavyanskoye leksicheskoye sravneniye v praslavyanskoy leksikografii. Materialy dlya balto-

- slavyanskogo slovary (*a — *go-) [Etymology and Balto-Slavic lexical comparison in the Proto-Slavic lexicography. Materials for the Balto-Slavic dictionary (*a — *go-)]. Novosibirsk, 1998. 478 p.
4. Yanin V.L. Novgorod i Litva. Pogranichnyye situatsii XIII—XV vekov [Novgorod and Lithuania. Border situations of the XIII—XV centuries]. Moscow, 1998. 216 p.
5. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izd. Arkheograficheskoy komissiiy [Russian Historical Library, ed. by Imperial Archaeographic Commission], vol. XXVII, part 1. Litovskaya metrika [Lithuanian metric]. Saint Petersburg, 1910, part 1, vol. 1.
6. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas [Etymological Dictionary of Lithuanian Hydronyms]. Vilnius, 1981. 408 p.
7. Frolov A.A., comp. Pistsovaya pripravochnaya kniga 1588—1589 godov uyezda Rzhevy Volodimerovoy (polovina knyazya Dmitriya Ivanovicha) [Cadastre Book of 1588-1589 of the Rzheva Volodimerova county (half of Prince Dmitry Ivanovich)]. Moscow; Saint Petersburg, 2015. 488 p.
8. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskiy dialect. 2-ye izdaniye, pererabotannoye s ucheto materiala nakhodok 1995—2004 gg. [Old Novgorod dialect. 2nd edition, revised taking into account the material of the finds from 1995—2004]. Moscow, 2004. 872 p.
9. Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: Dopolneniye [Dictionary of Russian old-time dialects of the middle part of the river Ob': Addition]. Tomsk, 1975, part 1—2.
10. Anikin A.Ye. Russkiy etimologicheskii slovar' [Russian etymological dictionary]. Moscow; Saint Petersburg, 2007—2019-, issues 1—13-.
11. Levichkin A.N., Myznikov S.A., eds. Novgorodskie oblastnoe slovar' [Novgorod Regional Dictionary]. Saint Petersburg, 2010. 1345 p.
12. Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., eds. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad / Saint Petersburg, 1965—2019-, vols. 1—51-.
13. Barkhudarov S.G., Filin F.P., Shmelev D.I., Bogatova G.A., Krysko V.B., eds. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI—XVII centuries]. Moscow, 1975—2006-, issues 1—27-.
14. Novgorodskiy pistsovyye knigi [Novgorod Cadastre Books]. Saint Petersburg, 1859—1910, vols. I—VI.
15. Baranov K.V., comp. Pistsovyye knigi Novgorodskoi zemli [Cadastre Books of the Novgorod Land]. Moscow; Saint Petersburg, 1999—2004, vols. 1—5.
16. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1998, vols. 1—4.
17. Martynaŭ V.U., Tsykhun G.A., eds. Etymalagichny sloŭnik belaruskay movy [Etymological dictionary of Belarusian languages]. Minsk, 1978—2008-, vols. 1—12-.
18. Trubachev O.N., Zhuravlev A.F., Varbot Zh.Zh., eds. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Moscow, 1974—2016-, issues 1—40-.
19. Shul'gach V.P. Praslov'yanskiy gidronimniy fond (fragment rekonstruktsii) [Proto-Slavic hydronymic fund (fragment of reconstruction)]. Kĭv, 1998. 368 p.
20. Materialy general'nogo mezhevaniya po Ostashkovskomu uyezd 1770-kh gg.: Plany zemel'nykh dach [Materials of general land surveying for Ostashkov county of the 1770s: Plans of land demesnes]. In: Russian State Archive of Ancient Acts, f. 1354, inv. 1265.
21. Popov A.I. Sledy vremen minuvshikh. Iz istorii geograficheskikh nazvaniy Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastey [Traces of the past. From the history of geographical names of the Leningrad, Pskov and Novgorod regions]. Leningrad, 1981. 206 p.
22. Cherepnin L.V., comp. Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV—XVI vv. [Spiritual and treaty letters of the great and appanage princes of the XIV—XVI centuries]. Moscow; Leningrad, 1950. 586 p.
23. Trubachev O.N. Nazvaniya rek Pravoberezhnoy Ukrainy. Slovoobrazovaniye. Etimologiya. Etnicheskaya interpretatsiya [The names of the rivers of the Right-Bank Ukraine. Word formation. Etymology. Ethnic interpretation]. Moscow, 1968. 288 p.
24. Snoj M. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen [Etymological dictionary of Slovenian place names]. Ljubljana, 2009. 605 p.
25. Materialy general'nogo mezhevaniya 1770-kh gg.: Atlas Kholm'skogo uyezda [Materials of the general surveying of the 1770s: Atlas of the Kholm county]. In: Russian State Archive of Ancient Acts, f. 1356, inv. 1.

Vasil'ev V.L. Criteria for identification of the Slavic toponymic archaics (on the example of place names at the sources of the Volga and Western Dvina). The first pages of the article summarize the theoretical aspects of archaic place names, emphasize its close dependence on the region, formulate the differences, on the one hand, from the background, productive toponymy of the modern Russian language, and on the other, from the historical Old Russian toponymy. The main features of an archaic toponym (motivational, structural-derivational, phonetic, and areal) are revealed, which serve as criteria for its identification. The stated theoretical provisions are illustrated by a detailed etymological analysis of such interesting archaic names as *Suderevye*, *Shelomya*, *Domna*, *Brosno*, *Zaozireytsa*, *Sosnoe*, *Trebovo*, *Kleshchino*, *Sopot*. All these names are concentrated in the sources of the Volga and Western Dvina rivers, which in medieval times were part of the border southwestern volosts of the historical Novgorod land.

Keywords: toponymic archaism, etymology of names, areal, Novgorod land, Volga, Western Dvina.

Сведения об авторе. Валерий Леонидович Васильев — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии; НовГУ им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-4708-7786; vihn@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Васильев В.Л. Критерии выявления славянской топонимической архаики (на примере названий в истоках Волги и Западной Двины) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2(35). С. 192-196. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35).192-196

For citation: Vasil'ev V.L. Criteria for identification of the Slavic toponymic archaics (on the example of place names at the sources of the Volga and Western Dvina). *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 2(35), pp. 192-196. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35). 192-196